

Ворон говорит (предисловие)

Не помню, когда я впервые услышал Ворона, но его голос как-то сразу запал мне в душу. Наверное, так и должно быть — все-таки ворон считается едва ли не магической птицей, это вам не попугай какой-нибудь.

Мы живем в такое время, когда литература ищет новые формы и форматы, а читатели все чаще превращаются в слушателей. «Вконтакте» и на YouTube засияла целая плеяда «звезд» местного разлива. Они — те, кто читает свои или (чаще) чужие истории, — называют себя рассказчиками. Обычно они читают — рассказывают! — страшные, жуткие истории, и далеко не все из этих историй достаточно хороши и могли бы быть изданы на бумаге. Но надо отдать должное Ворону, в миру известному как Руслан Покровский, — у него есть вкус к хорошим рассказам. Когда я задумался о том, чтобы попробовать сделать такую антологию, которая вышла бы сразу в печати и в аудиоверсии, при участии какого-нибудь чтеца-рассказчика, то в первую очередь подумал о Вороне — хотя на тот момент мы с ним даже не были лично знакомы.

Я увидел Ворона пару лет назад в Санкт-Петербурге, куда и он, и я прибыли вместе с семьями для участия в «Самом страшном фестивале». Это пока еще очень небольшой, но приятный конвент, одно из таких мероприятий, во время которых вы можете развиртуализироваться, то есть встретиться вживую с кем-то из своих знакомых и друзей, с которыми ранее общались только в Сети.

Такие конвенты, как правило, делятся на две части: «официальную», когда приходится толкать речи, участвовать в круглых столах и тому подобное; и «неофициальную» — посиделки в компании с обязательным распитием энного количества алкогольных напитков. И ни я, ни, думаю, кто-то другой не сможет вам точно и со стопроцентной уверенностью ответить на вопрос, какая из частей лучше, приятнее, важнее.

Ворон достойно выступил и там и там.

Например, в ходе круглого стола о литературе ужасов он сделал, на мой взгляд, очень точное и правильное замечание о том, что чтец-рассказчик выступает не только ретранслятором, но и едва ли не соавтором историй. Потому что от манеры, умений, таланта чтеца во многом зависит то, как будет принята история публикой. В устах хорошего рассказчика многие литературные недостатки, свойственные большинству крипиаст, сглаживаются, а достоинства, наоборот, становятся более выпуклыми, в буквальном смысле более звучными. И наоборот — не очень хороший чтец может испортить впечатление даже от неплохого, в общем-то, рассказа, написанного вполне себе профессиональным автором.

В советское время люди слушали радиоспектакли — нынче они слушают аудиорассказы на YouTube и в специализированных сервисах... или скачивая полноценные аудиокниги. И как в радиопостановке важно мастерство задействованных актеров, так и в современных подобиях таких спектаклей громадная роль отводится фигуре рассказчика.

По сути, мы говорим о синкретизме, если вы понимаете, о чем я.

Если не понимаете — ничего страшного, так как словечко это в большей мере относится к сферам

науки и философии и не часто встречается в быту. Далеко не так часто, как «лол», «братан» или по-настоящему пугающее «здравствуйте, у нас есть для вас уникальное предложение в сфере кредитов».

Синкретизм — это «сочетание несочетаемого», слияние принципиально разных подходов из разных сфер в рамках некоего единого целого. Прелесть синкретизма я вижу еще и в том, что он зачастую обращается к чему-то стародавнему, создавая новые формы того, что когда-то давным-давно уже имело место. В глубокой древности для наших первобытных предков частью ритуала охоты были танцы, песни и рисунки на скалах — чистой воды синкретизм. Отличным примером синкретичности в искусстве конца двадцатого столетия стали музыкальные видеоклипы — сочетание визуально ряда с песнями, танцами и музыкой.

Так и аудиокниги, аудиорассказы по сути своей синкретичны. И — возвращают нас к исконной сущности литературы как сочинения и рассказывания историй. Просто когда-то эти истории рассказывали у костра, а сейчас — в Интернете. Связь времен — наверное, это тоже элемент синкретизма.

И вот что еще важно. Когда люди где-то собираются поздним вечером и травят жуткие байки — они делают это не ради денег, они делают это из любви к пугающему. И современные чтецы-рассказчики — лучшие из них, такие, как Ворон, — принадлежат к той же породе. Они — фанаты. Разница лишь в том, что читают они страшные истории не у костра, а где-то в своих домах, квартирах, сидя перед мерцающим во мгле монитором.

Во время неофициальных посиделок на «Самом страшном фестивале», когда мы все (а там были и Олег Кожин, и Анатолий Уманский, и Александр Подольский, и Дарья Бобылёва, и много кто еще из нашей пишущей братии) уже были достаточно

навеселе, Руслан вспомнил забавный случай из своей практики. Записывая очередную историю для своего канала на YouTube, он как-то наговаривал текст на микрофон. Надев, разумеется, наушники, чтобы лучше слышать собственный голос — и больше ничего, никаких посторонних звуков. А потом, уже прослушивая запись, уловил приглушенный детский голосок — видимо, соседская девочка через тонкую стену докричалась. Представляете — рассказчик, играя тембром, варьируя интонации, нагнетает жути, и вдруг раздается радостный девчачий крик: «Мама, я ПОКАКАЛА!»

Поскольку участники тех посиделок, повторюсь, уже выпили довольно много пива, вина и виски, немедленно стали поступать предложения: создать антологию под названием «Мама, я покакала!» или использовать эту фразу как слоган или же цитату-блерб, вынесенную на обложку в рекламных целях. Классный читательский отзыв и отличная рекомендация для сборника страшных рассказов — «мама, я покакала».

Так вот. Я, конечно, не знаю, поможет ли эта книга вашему ребенку справиться с запором. Но мне кажется, что она будет вам интересна. А еще вы можете ее не только прочитать, но и послушать в исполнении одного из лучших чтецов страшных историй в Рунете — Ворона. Очень может быть, что в его исполнении эти рассказы заиграют совершенно новыми красками и вызовут у вас новые сильные эмоции. Не этого ли нам всем и надо в конечном счете, не этого ли мы и ждем от рассказов ужасов?..

Лишь бы не случилось того, что случилось с той девочкой из соседней квартиры.

А теперь всё — теперь я умолкаю. А дальше наконец-то говорит Ворон.

*Парфенов М. С.,
писатель и составитель антологий*

Евгений Шиков

ЦАП-ЦАП

1. ОСТАНОВКА

Асфальт на подъезде к Жданово заменили, а вот остановка осталась прежней — вся в дырах и проплешинах, через которые была видна застрявшая в цементе арматура. Изнутри темнели какие-то агитационные плакаты — то ли зовущие на давно прошедшие выборы, то ли на какие-то бесполезные собрания. Рядом с остановкой торчал огромный цементный пшеничный колос с надписью «Колхоз „Пламя“». Он тоже не изменился за прошедшие годы — лишь еще больше потемнел да рельеф на самой его верхушке уже начал осыпаться.

Семен подтащил свою сумку к остановке, посмотрелся было к лавочке, но та, грязная и обшарпанная, не вызвала в нем доверия. Тогда Семен поставил сумку на асфальт, где почище, достал сигарету — и закурил. Обернувшись на дорогу, он проводил взглядом исчезающий за поворотом автобус. Когда тот скрылся окончательно, Семен стал смотреть по сторонам.

Сверху палило солнце. Пахло разогретым асфальтом. По обочине дороги, по направлению к городу, топала совсем молодая, лет двадцати, девчонка в ярко-желтых шортах и розовых шлепках. Поравнявшись с остановкой, она заметила Семена и сбавила шаг.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Добрый день.— Семен улыбнулся. Он никак не мог привыкнуть к тому, что в деревнях все друг с другом здороваются.— А вы местная?

— А что? — поинтересовалась девушка. В ее голосе послышалось праздное любопытство.

— Я здесь в детстве когда-то жил.— Семен улыбался, щурясь на солнце.— Лет в шесть сюда приехал, почти на полтора года. Когда родители переезжали в Москву и ремонт там делали, а старую квартиру уже другим людям продали. У меня тут тетка жила, Маргарита Павловна, вон там, за речкой...

— Так она померла уже давно,— безразлично произнесла девушка, но вдруг спохватилась.— Ну, то есть вы же знаете?

— Да, знаю.— Семен кинул окурок в урну, но промахнулся.— Родственники ее из Калининграда письмо присылали, настоящее.

— В смысле — настоящее?

— Бумажное. На бумаге то есть.

Девушка непонимающе смотрела на Семена. Тот рассмеялся и пошел в сторону урны, рядом с которой продолжал дымиться бычок.

— Я к тому, что в наше время письма все шлют электронные. А тут — настоящее, бумажное письмо. Оно, правда, пришло, когда уже похоронили ее, поэтому я и не приехал. Только вот сейчас собрался.

— Так и дома ведь ее уже нет.— Девушка вытянула одну ногу из сланца и, вытянувшись, словно цапля, с наслаждением почесала пяткой у колена другой ноги. Затем сложила руки на груди и зевнула.— Сгорел год назад. Там алкаши летом жили. С ними и сгорел.

— Как с ними? — Семен, выпрямившись с дымящимся в пальцах бычком, обернулся к девушке.— Прямо с людьми?

— Говорю же — с алкашами.

— А много?

— Четверо.

— Ужас.— Семен посмотрел на дымящийся окурок, аккуратно потушил его и кинул в урну.— Но я так-то не в дом приехал. Я за грибами.

— За грибами? — протянула девушка.— Это за какими такими грибами?

— За вашими грибами.— Семен вернулся к своей сумке и легонько ее пнул. Сумка отозвалась металлическим звяканьем.— Вот и ведро с собой взял. В Смоленске, на вокзале, купил. Четыреста рублей. Оцинкованное.

— Так какие сейчас грибы? — удивилась девушка. Она уже опустила ногу, но обратно в сланец засовывать ее не спешила.— Это в августе надо приезжать или даже в сентябре. Сейчас сушь. Сыроежки только если, ну и лисички, да они с червями сейчас будут.

— Да нет.— Семен посмотрел в сторону леса.— Я помню, тут грибов полно, все лето можно собирать. Где-то вон там, несколько километров если в ту сторону, там после плотины дорога такая была...

— Это на болото, что ли? — Девушка нахмурилась.

— Ну да. Там же грибы сейчас есть? На опушках, в смысле.

— Ну да, наверное. Так то ж болото.

— Ну и чего, что болото? Грибы-то везде грибы. Девушка с интересом разглядывала Семена, затем улыбнулась и покачала головой.

— Ну вы даете. На болото в одиночку, не зная дороги?

— И что? Опасно там, что ли?

— Бывает,— просто кивнула девушка.— Там же топь. И кочки все одинаковые да деревья. Заплутаете — до ночи не выберетесь. А ночью — все.

— Что — все? — Семен вытащил из сумки бутылку «Селивановской», открутил крышку, приложил к губам и поморщился. Минералка на жаре стала

теплой и невкусной.— Русалки, что ли, в болото утащат?

— Да черт его знает.— Девушка пожала плечами.— Люди так-то пропадают, а отчего — не знает никто. Может, и русалки.

— Серьезно? — Семен убрал бутылку воды обратно в сумку.— Прямо вот так и говорят? Что русалки утащили?

— Говорят, что без вести пропали. В болотах пропадешь — тебя быстро оприходуют. Подъедят до костей, а потом мхом порастешь — и не найдет никто. Или в трясину ступишь — а ряска через несколько минут сойдется — как будто и не было тебя.

— И много пропадают?

— Ну — так... В прошлом году — один всего...

— Пьющий? — уточнил с улыбкой Семен.

— Пьющий, да трезвый.— Девушка нахмурилась и наконец убрала ногу в шлепок.— А вообще — застоялась я. Мне пора к дому идти. А вы ступайте — куда хотите, хоть на болото. Я отговаривать не буду.

— Погодите.— Семен шагнул навстречу к ней.— Я не хотел грубить, честно. Просто я в места дурные не верю. Пропадают-то люди везде. Знаете, сколько в Москве пропадает? Там каждый день — по несколько человек без вести пропадает, и не всех потом находят. Поэтому — ну болото и болото. У меня в августе и времени не будет. А тетя моя круглый год на этом болоте грибы ведь собирала. И ничего.

— Ну так она ж здесь жила, знала, где можно... — Девушка неопределенно махнула рукой.— У нее, может, свои способы были.

— Способы?

— Она у леса жила, много чего знала. Где пройти, куда не соваться. Поэтому и одна могла на болота. А обычный человек и пропасть может.

— Так я ж не дурак, знаю все.— Семен наклонился и расстегнул сумку.— Вот, у меня и компас,

и вода, и брикеты протеиновые — если заблужусь. Но самое важное, — он вытащил ведро с пожитками, поставил на асфальт и хлопнул рукой по опустевшей сумке, в которой осталась лежать одежда, — вот эта вот сумка.

— А что в ней? — девушка попыталась заглянуть. — Одежда какая?

— Ага.

— И что за одежда?

— Обычная моя, городская одежда. — Семен застегнул сумку. — В обычной дорожной сумке. Кроссовки новые. Я их позавчера прикупил, гляди — разноцветные. Не надевал еще их ни разу. И брюки синие.

— И как она тебе на болоте поможет-то? Сумка твоя?

— А так, что я ее с собой и не возьму. — Семен выпрямился. — Я ее здесь оставлю, словно якорь. И этот якорь меня держать будет — чтобы, значит, не унесло...

Девушка посмотрела ему в лицо, затем нахмурилась.

— Издеваешься? — спросила она.

— Нет. — Семен рассмеялся и покачал головой. — Это я просто болтаю много. Я сумку здесь собираюсь оставить. Я всегда так делаю. Я же много где был, и все — один. Оставляю сумку свою хорошим людям — а если не вернусь, — они уж и тревогу поднимут.

— И кому ты здесь сумку оставишь? — с интересом спросила девушка. — Ты ж не знаешь никого.

— Кое-кого знаю...

Девушка посмотрела вниз, на сумку. Затем — снова на Семена.

— Это ты чего, на меня намекаешь?

— Ну да.

— Ты совсем дурной? — беззлобно спросила она. — Ты меня только что встретил.

— Ну и что?

— Я вот оттуда шла,— она махнула рукой за спину.— А ты здесь стоял. Две минуты назад это было. Помнишь?

— Я знаю, я же здесь был.

— И сумку мне свою вот так просто отдашь? — Она сощурилась.— А если я убегу с ней?

— В шлепках-то? Далеко? — Семен посмотрел ей в лицо и перестал улыбаться.— Ну то есть — а чего с ней бежать? Там ни денег, ни документов. Одежда только, пара книг в дорогу — и зарядка от телефона.

— Ну и зачем это мне? Что я с сумкой твоей буду делать?

— Пускай у тебя полежит, а вечером я вернусь — и заберу. А если не вернусь...

— А если не вернешься — мне, значит, в милицию звонить и потом объяснять, что я тебя нигде не закапывала?

— Ну — вроде того. Скажешь, куда пошел, откуда приехал, во что был одет.

— Ну и зачем?

— Чтобы они знали, где искать, да и...

— Не — мне-то это все зачем? — Она вновь вытащила ступню из шлепанца и стояла перед ним, будто девушка из рекламы йоги — только обгоревшая, чумакая и без белоснежной улыбки.— Еще и сумку твою тащить...

— Я тебе, как вернусь, пять сотен дам. За то, что вещи у себя подержала.

— Пять сотен? Этим вечером? — Она задумалась.

— Ага. А я на последнем автобусе вместе с грибами поеду обратно в Смоленск.

— С грибами... — протянула девушка.— Ну ладно. Сумка твоя у меня до вечера полежит. Но — на ночь не оставлю. Пропустишь автобус свой — ночуй где хошь, а к себе не пущу. Напускалась уже.

— Я и не думал...

— Вот и правильно.— Она на ходу втиснулась в скинутый шлепок, шаркая ногами, подошла к Семену и протянула ему руку.— Марина.

— Семен.— Он пожал ее ладошку.

— Я Никитина. Живу за кладбищем, ближе к бывшей общаге. Желтое крыльцо.

— Это хорошо.

— Что хорошо? Крыльцо желтое?

— Да нет же. Что живешь близко. От остановки недалеко совсем.

— Недалеко, да что в этом толку? Все равно хрен отсюда уеду.— Она выпустила ладонь Семена и, отвернувшись, зашагала по асфальту.— Пойдем уже, грибник. Сумку свою сам тащить будешь, я по жаре ленивая.

Семен рассмеялся, подхватил одной рукой ведро, другой — расстегнутую сумку и побежал вслед за Мариной.

2. ЖДАНОВО

Идти и правда было недалеко — каких-то десять минут. Марина шла молча, сложив руки на груди и изредка поглядывая через плечо на Семена, который всю дорогу смотрел по сторонам, примечая знакомые детали в изменившейся за двадцать лет местности. Вот расколота молнией ветла у дороги, на которой они крепили тарзанку. Тарзанки уже не было, но вокруг ветлы желтела вытоптанная трава — видать, дети все еще лазают. Вот — виднеется вдалеке водокачка с гнездом аиста на ней — точно такая же, как в детстве, разве что аисты, должно быть, уже другие. Промелькнул по левую сторону кирпичный магазин, на скамейке у которого несколько детей поедали мороженое. Дети,

продолжая жевать, проводили их внимательными глазками.

— Мы в детстве тоже в этот магазин бегали за мороженым,— сказал Семен.

— Не в этот,— бросила через плечо Марина.— Тот сгорел четыре года назад, один кирпич только остался. Потом перестраивали.

— Что же у вас тут горит-то все подряд? — удивился Семен.

— Не нравится — уезжай.— Марина покосилась в сторону магазина.— А вообще — это бывший владелец сжег. Колька Рогов. Не пошло у него — вот он и решил сжечь. Теперь сидит. Скоро выйти уже должен.

— Понятно.— Семен ускорил шаг и поравнялся с Мариной.— А ты тетку мою знала?

— Знала. Ну так — здоровалась, когда в магазине видала. Но в гости не ходила.

— Я у нее тут полтора года провел, когда...

— Ты рассказывал,— перебила его девушка. Они поравнялись с кладбищенской оградой, и Марина ускорила шаг.— Почти пришли. Сейчас кладбище закончится — и дом мой уже видно.

— А не страшно?

— Чего?

— Рядом с кладбищем жить?

— А чего его бояться? — Марина пожала плечами.— Я кладбище люблю. Там тихо. Лучше, если б скотный двор под боком был? Вон, Лупихины живут у скотников — постоянно дерьмом воняет, да коровы весь огород в прошлом году потоптали после дождя. Тут хотя б знаешь, что с кладбища никто не придет.

— Это да,— кивнул Семен.— Но все равно как-то неуютно...

— Кому как.— Марина свернула на тропинку.— Теперь уже близко. Вон мое крыльцо.

Когда они подходили к дому, с желтого крыльца сбежал мальчик лет трех-четырёх и вцепился в ноги Марины. За ним, переваливаясь, выбежал из дома толстый щенок, но, остановившись перед ступеньками крыльца, жалобно запищал, вращая хвостиком и смотря на своих хозяев.

— Это Руслан. Брат мой мелкий,— сказала Марина.— Сумку свою на терраску занеси. Внутрь не пущу.

— Я помню, да.— Семен улыбнулся мальчику, но тот спрятал лицо.— Я тогда на пол прямо поставлю, хорошо?

— Хорошо.

Он поднялся на крыльцо, и щенок мгновенно бросился к нему, заполз на ботинок и стал жевать шнурки. Семен, смеясь, нагнулся и, поставив звякнувшее ручкой ведро на доски крыльца, поднял щенка на руки.

— Какой у вас песик красивый,— сказал он.

— Какой есть.— Марина достала из кармана шорт яркую конфету и протянула мальчику. Тот сразу начал ее разворачивать, оторвавшись наконец от сестры.— Там еще кошка где-то бегает, но она, наверное, не вылезет — она чужих боится.

Со щенком в одной руке и сумкой в другой Семен зашел в терраску. Внутри было довольно грязно, пахло котами. На полу в беспорядке валялись игрушки — почти все старые и со следами зубов на них — то ли щенок баловался, то ли мальчишка. Семен поставил сумку поближе к окну, еще раз обернулся, посмотрел на столик с маленькой плиткой — готовили, видимо, тоже здесь, и пошел обратно на крыльцо. Щенок, прижатый к груди, теперь лгонько покусывал его за пальцы.

— Я у окна поставил.— Семен опустил щенка на пол, и тот сразу же уцепился за его штанину.— Сумку свою в смысле.